

УДК 94(470.6)«1920»

**ПАРТИКУЛЯРНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
КРУПНОГО КАЗАЧЬЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ДОНУ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА**

© 2015 г. *А. П. Скорик*

*Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

В статье предпринята попытка анализа внутренней структуры и экономических результатов деятельности казачье-крестьянского хозяйства, оказывавших значительное влияние на хозяйственную жизнь местного сообщества на Дону.

Ключевые слова: агротехника; атаман; потребительское общество; севооборот; сельскохозяйственные машины; хозяйственная структура; шлюзование.

This article attempts to analyze the internal structure and economic performance of the Cossack-peasant economy that has a significant impact on the economic life of the local community of the Don region.

Key words: agrotechnics; Ataman; consumer society; crop rotation; agricultural machinery; structure of the agricultural production; sharp-leaved willow planting.

Зачастую в разговоре и в описаниях казачье-крестьянского хозяйства начала прошлого столетия обычно все ограничивается площадью земельного надела, указанием на особенности землепользования и перечнем выращиваемых сельскохозяйственных культур. Редко кто вникает в детали этой цельной и достаточно сложной партикулярной экономической культуры. Недооценка ее влияния на изменение исторической реальности является одним из человеческих заблуждений, представляющих историческую ошибку [7, с. 137]. Этот методологический посыл убеждает нас в том, что конкретные экономические параметры казачье-крестьянского хозяйства, особенно крупного, вышеперечисленными характеристиками никак не исчерпываются, и они могут составить предмет самостоятельного анализа, и это, собственно говоря, мы попытались реализовать в настоящей статье.

Нам удалось на основе архивных документов восстановить сведения о некоторых хозяйствах донских земледельцев сразу после завер-

шения Гражданской войны. Возьмем, к примеру, бывшее хозяйство Шаповалова при хуторе Петровском Лукичевской волости Донецкого округа. Общая площадь принадлежавших ему угодий в 1920–1921 гг. составляла 900 десятин (одна десятина в России в то время равнялась 1,0925 га — А. С.), из которых: годной под распашку земли насчитывалось 650 десятин, под сенокосы отводилось 100 десятин луговой земли, неудобья занимали 144 ½ десятин, сад располагался на площади 1 ½ десятины, и огородничество велось на ½ десятины. До революции бывший владелец хозяйства не применял севооборота, и большая часть принадлежавшей хозяину земли обрабатывалась местным населением на условиях натуральной оплаты за часть получаемого урожая. Из «живого инвентаря» после Гражданской войны в хозяйстве осталось: 9 рабочих волов, бык-производитель калмыцкой породы, 4 коровы калмыцкой породы, 2 двухлетние телки, 3 однолетних телят, 4 козы, одна овца, 2 кастрированных кабана, 30 кур, 3 уток, 10 гусей. Сохранились следующие постройки: дом

деревянный, крытый железом; 2 каменных амбара, крытых железом; амбар деревянный, крытый железом; деревянная конюшня, крытая железом и рассчитанная на 12 лошадей; деревянный сарай для инвентаря, крытый железом; деревянная кухня, крытая железом; депо каменное (строение для хранения сельскохозяйственных машин и орудий, где имелся весь необходимый инструмент для осуществления текущего ремонта — *А. С.*), крытое железом; подвал с обложенным камнем выходом; деревянный сарай, крытый железом; деревянная конюшня, крытая железом и рассчитанная на 8 лошадей; саманная кухня, крытая железом. Из сельскохозяйственных орудий осталось: 3 однолемешных плуга; 4 букаря (т. е. трех-четыrehлемешных плуга — *А. С.*); 3 разбросных сеялки; одна косилка; 2 сортировки (орудия для распределения результатов урожая на разные фракции: более крупные и более мелкие; для просеивания и провеивания собранного зерна; возможно, это были зерноочистительные триеры — *А. С.*); 10 деревянных борон; 2 подральников (предплужников; подральники были меньше ральника и устанавливались чуть спереди и выше, чтобы надрезать почву и облегчать вспашку — *А. С.*). Из числа перевозочных средств сохранились: 2 арбы без колес; 2 сани одноконные; одни сани пароконные. Хозяйство, несмотря на всевозможные военные реквизиции, сберегло следующие зерновые запасы: 523 пуда яровой пшеницы (в начале XX в. один пуд равнялся 16,380496 кг — *А. С.*), 14 пудов ячменя, 70 пудов подсолнуха, 50 пудов озимой ржи. Бывший владелец хозяйства Шаповалов эмигрировал вместе с белыми, но в усадьбе остались его мать, его жена и четверо детей. Семья Шаповалова продолжала жить в усадьбе прежним порядком, а земельные угодья обрабатывались бывшими половинщиками (работавшими ранее за натуральную оплату в размере $\frac{1}{2}$ от полученного урожая) имеющимся в хозяйстве Шаповалова инвентарем. Однако сохранившийся скот находился в очень плохом состоянии, поскольку для его кормежки зимой не хватило заготовленных кормов [4, л. 39]. Перечисленные хозяйственно-экономические характеристики свидетельствует о том, что хозяйство Шаповалова относилось к крупному казачье-крестьянскому хозяйству в первые десятилетия

XX в. Хозяйство Шаповалова сохранилось даже после кровопролитной Гражданской войны, хотя в экономическом отношении одним из ее результатов стало значительное разрушение казачье-крестьянских хозяйств, и появился в 1920-е гг. такой исторический феномен как «женские колхозы», когда женщины стремились «путем сложения средств производства (которыми, как правило, каждая такая семья в отдельности была обеспечена далеко не полностью) наладить нормальный производственный процесс, чтобы тем самым обеспечить материально-продовольственное снабжение и само существование крестьянских семей, оставшихся без мужчин-кормильцев» [3, с. 37].

Бывшее хозяйство братьев Колесниковых при хуторе Петровском Лукичевской волости Донецкого округа также вполне благополучно сохранилось после Гражданской войны. В 1920–1921 гг. оно занимало земельные угодья общей площадью 300 десятин, из них: 228 десятин годной под распашку земли, 20 десятин сенокосного луга, 50 десятин неудобий, $\frac{1}{2}$ десятины сада, 2 десятины огорода, и $1\frac{1}{2}$ десятины занимала непосредственно сама усадьба. Хозяйство объединяло два отдельных двора каждого из братьев Колесниковых. В них располагались: каменный дом, крытый железом; каменный дом, крытый черепицей; каменная кухня, крытая железом; каменная кухня, крытая соломой; деревянный амбар, крытый железом; деревянный амбар, крытый соломой; деревянный амбар, крытый камышом; конюшня, крытая черепицей и рассчитанная на 8 лошадей; каменная конюшня, крытая камышом и рассчитанная на 10 лошадей. Братьям принадлежала водяная мельница на два постава (т. е. на две пары мельничных жерновов — *А. С.*) с суточной производительностью 70 пудов. Из «живого инвентаря» сохранились: 6 рабочих волов, бык-производитель калмыцкой породы, 8 коров, 8 трехлетних бычков, 2 двухлетних телки, 3 однолетних телки, 7 однолетних бычков. Из сельскохозяйственных орудий осталось: 2 рядовых сеялки, одна косилка-лобогрейка (это достаточно сложная жатвенная сельскохозяйственная машина на конной тяге [5, с. 24–25]), один припашник (это сельскохозяйственное орудие, совмещавшее в себе функции плуга и сеялки и применявшееся для быстрого се-

ва — А. С.), 4 букаря, 7 деревянных борон, одна сортировка, одна арба (это высокая длинная четырехколесная безрессорная повозка для перевозки сельскохозяйственных грузов — А. С.). В бывшем хозяйстве братьев Колесниковых сберегли следующие зерновые запасы: 300 пудов пшеницы яровой гирки (т. е. сорта, предназначенного на экспорт и имевшего небольшой размер и красноватый оттенок — А. С.), испорченной; одна скирда пшеницы яровой гирки, необмолоченной, размером (занимаемой площадью) 7 сажений на 2 ½ сажени (одна казенная сажень равнялась 2,1336 м — А. С.). Оба брата Колесниковы эмигрировали вместе с белыми, а их семьи продолжали жить в обеих сохранившихся усадьбах. Посев производили имеющимся скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Незасеянные земельные участки семьи распределили местному населению [4, л. 39–39об].

Как видим, даже после завершения Гражданской войны крупное казачье-крестьянское хозяйство вполне могло сохраниться. Обращает на себя внимание наличие значительного шлейфа сельскохозяйственных машин, которыми пользовались состоятельные донские земледельцы. Они могли себе позволить заказывать технику за границей, даже в США. Эта сельскохозяйственная техника поражала жителей того времени своей мощностью и производительностью в совершении производственных операций, вызвала у донских хлеборобов не только откровенное восхищение и/или зависть (у тех, кто, увы, не мог ее приобрести по финансовым соображениям), но и, в ряде случаев люди испытывали вовсе нечеловеческие чувства, вообще схожие с каким-то суеверным ужасом. Эти смешанные чувственные настроения замечательно отразил в романе «Искры», посвященном развитию революционного движения на Юге России в начале XX в., донской писатель М. Д. Соколов. Автор романа родился на Дону в небольшом городке Сулин (ныне город Красный Сулин, Ростовской области) в 1904 г., а потому получил очень яркие детские впечатления о досоветской сельской действительности. В своем произведении Соколов поместил характерный сюжет о появлении в донском хуторе Кундрюченский на рубеже XIX–XX веков первой жатвенной

машины, именуемой в народе «лобогрейкой». Она «нарядно-красная с желтой отделкой» ярко поблескивала «лаком и золотой маркой фирмы «Мак–Кормик–Диринг — 1898 г.» [8, с. 8–9], ведь недавно прибыла из далекой Америки.

Лобогрейку купил богатый казак Нефед Мироныч Загорульков, но решил ее опробовать сначала не на кошени золотистой пшеницы в поле, а на обильно росшем вдоль кундрюченской улицы пыльном бурьяне. Сын Яков при этом управлял лошадьми, а сам же Нефед Мироныч, «в добротных суконных шароварах с лампасами, в темно-синем пиджаке поверх белой в крапинку рубашки», устроился на место предполагаемого работника, чтобы обычными вилами сбрасывать наземь с движущейся лобогрейки скошенные колосья. Наконец, лобогрейка с небывалым триумфом двинулась по хуторской улице, довольно быстро срезая бурьян, а Нефед Мироныч «то и дело наклонялся немного вперед, с легкой небрежностью вилами освобождал полук от бурьяна и опять выпрямлялся. Его строгое лицо с черной подстриженной бородкой было серьезно-сосредоточенным, но в сверкающем взгляде настороженных глаз временами мелькала улыбка: гордился он, самый богатый и почетный хуторянин, этой редкостной машиной». А в это самое время по сторонам, «по бурьяну, по пыльной дороге, валом валили взрослые и дети, мужчины и женщины, и каждый, обгоняя другого, хотел своими глазами увидеть заморское чудо, собственными руками пощупать скошенный бурьян, накалывая руки, рассматривая его, и шум голосов стоял в воздухе, как на ярмарке» [8, с. 8].

Восприятие хуторян работы новой сельскохозяйственной машины не ограничивалось только удивлением и восхищением: «лобогрейка уходила все дальше и дальше по улице, звенящим, металлическим скрежетом пугала свиней, птицу, будила вековую тишь земли, и от ее неумолимого движения у дедов щемило сердце» [8, с. 8–9]. Один из очень пожилых хуторян, «рябоватый дедок с рыжей бородкой», глядя на невиданное заморское диво, сокрушенно бормотал: «Дожилися! Железный косарь! Значится, аминь. Антихрист идет по святой Руси» [8, с. 9]. И эти восклицания старого казака не явля-

ются простой выдумкой донского романиста. Действительно, некоторая часть донских жителей с явным предубеждением и откровенным страхом относились к техническим новинкам в сельском хозяйстве, ведь их появление значительно ускоряло процесс крушения привычных, патриархальных методов хозяйствования на земле.

Кстати, казачьи атаманы в начале XX в. умели не только управляться с административными делами в своих хуторах, но и подавали замечательный пример казакам в умелом хозяйствовании. Именно в качестве «культурного хозяина» выступил хуторской атаман самой станицы Милютинской А. И. Линников. В условиях характерной для станицы тенденции уменьшения земельного пая с каждым очередным переделом юртовой земли многие станичники в Милютинской давно призадумывались о внедрении новых способов ведения своего хозяйства, чтобы получать с меньшей земельной площади больший урожай, а соответственно и увеличивать свои конечные доходы. Пионером агрокультурных начинаний стал урядник А. И. Линников. Грамотный хуторской атаман внимательно читал журнал «Хозяйство на Дону», и чтение зародило в нем мысль о необходимости улучшения своего казачьего хозяйства. По совету окружного агронома Донецкого округа Грекова казак Линников согласился устроить на площади 10 десятин своего казачьего земельного пая показательный участок с использованием пятипольной системы земледелия. В результате агрономическое отделение Областного правления Области Войска Донского пришло «к нему на помощь и снабдило его усовершенствованными земледельческими орудиями и улучшенными семенами на сумму до 300 рублей». Последовательно внедренный урядником А. И. Линниковым пятипольный севооборот на своем паевом участке обеспечил «культурному хозяину» даже в неурожайный год получение достаточно высокого урожая. У него по раннему пару выросла густая высокая рожь, и она подарила хозяйственному казаку по 55 пудов зерна на каждую десятину, «в то время как у соседей-казakov рожь, посеянная только под распашник (плуг с двусторонним отвалом земли — А. С.), дала всего до 12–15 пудов легковесного щуплого зерна». Хуторской атаман не ограни-

чился лишь совершенствованием своего собственного хозяйства и проведением в нем «культурных мероприятий». Он заботился о перспективных насущных общественных интересах всех казаков Милютинской станицы. Урядник А. И. Линников стремился убедить милютинских казаков последовать его личному примеру в земледельческих делах по улучшению условий землепользования и получению высоких урожаев. По его инициативе в Милютинской станице началась борьба с песками, и ему удалось закрепить шлюгой (лесовосстановительными посадками ивы-шлюги с целью укрепления неустойчивых, песчаных почв — А. С.) около 10 десятин юртовой земли. Атаман Линников сумел добиться приобретения для своих станичников нескольких голов хороших производителей для улучшения породы крупного рогатого скота. Дальновидный «культурный хозяин» возбудил ходатайство перед окружными властями о выделении паевой земли для станичников, лично не занимающихся земледелием, в размере одной тысячи десятин в отдельный дальний участок, чтобы для других «культурных хозяев» станицы Милютинской создать благоприятные условия для совершенствования землепользования, а для остальных казаков оставить возможность для сдачи своей паевой земли в аренду целыми земельными участками. Безусловно, такая продуманная хозяйственная деятельность хуторского атамана станицы Милютинской, урядника А. И. Линникова заслуживала очевидной похвалы и всемерной поддержки со стороны станичного общества [9, с. 3].

В хуторе Кутейников Краснокутской станицы в 1911 году открыли магазин местного потребительского общества. Причем, о состоятельности кутейниковских казаков свидетельствует основной капитал хуторского общества потребителей, составлявший около двух тысяч рублей. Да и факт открытия хуторского магазина в отдельном казачьем хуторе однозначно подтверждал простую истину: хуторянам не только было что покупать, но они также располагали определенными денежными средствами для совершения желаемых покупок. В магазине продавались бакалейные, галантерейные и кожевенные товары. Впрочем, хуторское потребительское общество испытывало нехватку энергичных

руководителей для последовательного наращивания товарооборота в магазине, а в самом обществе существовали некоторые разногласия по поводу ведения дел [1, с. 3]. Заметим, небольшой казачий хутор Кутейников Краснокутской станицы Усть-Медведицкого округа располагался на берегу речки Россоши. В нем на 1915 год насчитывалось 120 дворов с общим земельным клином (земельным довольствием) 6360 десятин. Всего в хуторе Кутейников проживало 1059 человек, в том числе — 533 мужчины и 526 женщин [2, с. 295–296].

Вот таковы некоторые партикулярные экономические параметры хозяйственно-экономической деятельности, которую вели донские земледельцы в начале XX столетия. Они дают нам достаточные основания «говорить в научном смысле слова о донской казачьей субкультуре как историческом явлении, как уникальном элементе в развитии донской казачьей общности» [6, с. 73]. Они значительно расширяют наши представления о крупном казачье-крестьянском хозяйстве в те исторические времена и его экономических возможностях. Главное, уведает от примитивного восприятия хозяйствования на донской земле наших не таких уж далеких предшественников. Причем, накопленный опыт функционирования казачье-крестьянского хозяйства может быть востребован в определенной мере и в наши дни. Скажем, тот же метод шлюго-

вания, который применил милютинский атаман А. И. Линников.

Литература

1. *Абрамов*. Хутор Кутейников, Краснокутской станицы. // Донские областные ведомости. — 1912. — №144. — 7 июля.
3. Алфавитный список населенных мест Области войска Донского. Издание Областного войска Донского статистического комитета 1915 г. — Новочеркасск, 1915.
3. *Гадицкая М. А., Скорик А. П.* Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е гг.: гендерный потенциал и менталитет. — Ростов н/Д., 2009. — 324 с.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 242.
5. *Криль Б.* Жатвенные машины. // Новая деревня. — 1926. — №13. — С. 24–25.
6. *Скорик А. П.* Донская казачья субкультура как историческое явление. // Научная мысль Кавказа. — 1995. — №4. — С. 73–77.
7. *Скорик А. П.* Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе. Дис. ... докт. философских наук. — Ростов н/Д., 2001. — 351 с.
8. *Соколов М. Д.* Искры. Кн. первая. — Ростов н/Д., 1974.
9. Станица Милютинская (культурные начинания). // Донские областные ведомости. — 1914. — №112. — 21 мая.

Поступила в редакцию

8 сентября 2015 г.

Александр Павлович Скорик — доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасского политехнического института).

Aleksandr Pavlovich Skorik — Ph.D., Doctor of Philosophy, Doctor of History, professor, head of the State and Law Theory and Russian History department at South-Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 8635 25 55 79; e-mail: s_a_p@mail.ru